

Юна Лем

Там, где растёт синий

Юна Летц

Там, где растёт синий

«Автор»

2011

Летц Ю. А.

Там, где растёт синий / Ю. А. Летц — «Автор», 2011

Если однажды вы попадете на остров, где жители выращивают дома из деревьев, пьют живительный сок хаота, устраивают кудесные вечера и гипертрофируют историю, значит, вы Там, где растёт синий. Берите лодку и вращайтесь в кругах, где нарядные экстраверты раздают сачки для идей, – так начнется ваше путешествие в самого себя. Не удивляйтесь, если по пути вы изобретёте религию, выпустите светлячков из замочных скважин и влюбитесь в девушку, которая выращивает слова, – возможно, вы находитесь внутри мысли... той самой главной мысли, что люди так отчаянно пытаются поймать.

© Летц Ю. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

ЧАСТЬ I	5
МАДРУГАДА	7
ПАРЕДЕМ	9
ФАРУЛ ДОПС	12
ОЗЕРО	18
ДОРОГА	19
ИЗОБРЕТЕНИЕ УЛЫБКИ	23
ГИПЕРТРОФИЯ МУХИ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Юна Летц

Там, где растёт синий

Но люди не сразу поняли, что воюют с журавлями.

ЧАСТЬ I

...Случилось извержение: в мир полетели ценности, и были они такие клеточные, густые, что человек залипал в них моментально, не разобрав, что где: цель или адаптация, кармиды или порок. Человек стоял когда-то решительно, упивался стабильностью, растил, правил (*лоббировал поворот головы*) и вовсе не ожидал подвоха, но его подвихнули всё же. Случился фарсис – резкий вброс пыли в глаза, и наступила эпоха шаткой мысли.

Нефтяные заводы горели, и человечество тушило доказательства своей невиновности, животным некуда было идти, происходил суматох, разделение: выцветали парчовые ориентиры (*испорченные*), громоздкие общества падали на руины религий, режимы кувыркались – из ежа в рукавицу, кавычки всюду вклинивались, как сорняк или теория, – всё было в кавычках, меток мало осталось. И уже ветер остановился, и уже бык как бы сдох, но красной тряпкой продолжало веять на виду у всех истошное всемогущество человека, расшитое золотыми то ли корытами, то ли горами.

Это продолжалось – сомнения, гуттаперч, попытка власти, это разрасталось и лопало на множество остаточных явлений, которые группировались и мимикрировали подо что-то невнятное, так что в итоге мир, где существование было как цепь состояний, чихнул и кончился, а закрепился вдруг другой мир – буквальный и сплошной с первого взгляда, но, если проникнуть в суть, можно было наблюдать новые слои.

Многое осталось: города остались, и главный остался город. Тот, в котором на улицах лепили ветра из полей, ползали метрономы, ломанные языки, оскомины на лицах, музыкальные портреты – живьём (*болтовня, интерпретации*), в этом городе никогда не хватало времени ни на что и хватали что попало – общий город. Такой, где искомое – единица, но результат уже толпа, а ещё там топот, пережимания, пантомима развития, манерность, хлопоты, марсианские вторжения, всё без идеи, разума, система выводов умерла и высохла.

В этом городе было бы исподволь, был бы катионовый всплеск, аплодисменты, была бы одна история на миллион голов, были бы перекачывания (*подробности интересней сути*) – и всё это было, но было и вот что.

Люди пропустили урок. Они с двойным азартом продолжили играть в перетягивание пустоты, все тянули прямо и под углом, ходили на курсы по перетягиванию, учили языки, жесты, и никто, конечно, и подумать не решился, откуда эта пустота берётся. Как это происходит и где нервные нитки протянуты, – вот об этом редко кто думал, а просто покупали себе новые победы за четыреста орденов, или присматривали короб с видом на суперкороб, или продолжали традицию обнимать титулованного палочника каждые три дня. Все тянули, мерили, растили пустоту, конвертировали пустоту.

Развивая искусство сгибания языка, моделируя для себя электрические зубочистки семнадцати видов, внедряя приборы для прослушивания пуговиц, люди упускали из внимания, как постепенно разрасталась дыра внутри материи – сначала, потом внутри них. Люди заперли страх, как пот в подмышках, убеждая себя, что это просто тактический выключатель сработал, когда не помог ни вождь твёрдый и глянцевоый, ни шёлковые мозги азиата. Подумав, что это постановочная ночь, они провалились не сквозь землю, но в сон. Некоторые иногда про-

сыпались, тёрли глаза тёрками, но от этого темнота не становилась яснее, и вскоре они снова погружались в дрему.

...А тем временем возникали ненавязчиво новые образования, из идей целые острова росли, и это были не дырявые острова (*как бы он дырявый на воде крепился?!*), не острова-пончики и не острова-парашюты, это были цельные, плотные куски жизни, хранители не пустот, но истинных ценностей.

МАДРУГАДА

Предвкушение мысли

Соль мешала ему подпрыгивать, и тогда оно выкинуло соль и стало штормом, стало озером вздыбленным, на котором в грубых узконосых лодочках, вырезанных из дерева, пропитанного соком хаота, восседали тела нерыбаков и куколок сезонных в гипнотических юбках, скользивших по макушке непоседливой воды. Нерыбаки тянули из воды ниточку, облепленную свежими символами, а куколки чёрные и белые моргали серебряными веками, приглашая проплывавших мимо в комнатах-плотах отшельников к совместному дрейфованию по коридорам жизни, устроенным в маленьком тоннеле между двумя расписанными под впечатления скалами.

В воде стояли фонари, стояли деревья на цыпочках (*галерея поз*), но деревьев ночью не видно было, только их очертания, и с разных сторон можно было усмотреть что-то совсем иное, как то: звезду, дом, сонь, бездну или профиль кропотливого Муэда, администратора кресла, который, не имея собственной тени, удачно довольно вписывался в чужие серые силуэты. Но сейчас уже говорить о нём было нечего, деревья как деревья стали, темнота спряталась в светосейф, и началась мадругада – цветовой сгусток.

Это была привычка то ли, то ли необходимость такая проскальзывала у них: перед рассветом, когда ещё темно было и ни одной выскочки, кроме лампадок узорных в воде, кроме скал, спаянных друг с другом в неподвижную искру (*каменная круть*), они брали свои разноцветные лодки вертявые и клали их прямо на осторожный этот батут, вспученный воздухом. Они любили вместе выплывать перед рассветом на водяную площадь и прогуливаться на лодочках, вырезая из среды образно намёки, охотясь за идеями, доступом, проекцией и укладывая по местам трофейные мысли, попавшиеся доверчиво на поверхностные рецепторы.

Сэвен тоже сел на свой плед и погнал лодку к середине воды, откуда горизонт весь открывался выпукло и можно было смотреть с хорошей точки, как на голубое жидкое желе налипают упругие тела нерыбацких доу, как облака ставят на воде свои наивные спектакли и сонные холодные ещё световые потоки, как крики, вырываются из самой изнанки примятой небом стихии.

Мир разразился светом, яркостью. Блестели складки воды. На всеобщее обозрение выплыл дряблый беззубый водяной Сьерж Леонид, выдающий знаки.

– Блонди, тебе каблук для рисования на песке, Хомем, вам фраза «Маленький будда стоял с протянутой рукой у начала или конца воды», Рапида, тебе вертушку на, Сэвен, тебе синий давить.

Сказал и кинул ему веточку в лодку. Сэвен взял веточку, прощупал аккуратно каждый листок, изучая пальцами великую индигоферу, и стал растирать сухими подушечками тонкую пластинку листа, ожидая чудесного появления синего (*сказано: человек вынул цвет из природы*). Он старательно выманивал наружу этот энергичный диапазон, дающий силу всякому, кто с ним поладит, он выдавливал блюз из травы, как тамбурин выдавливает музыку из молодого негра, он хотел сейчас цвета замкнутого на полвзгляда хоть, зрительного ощущения порцию. Но вытащить синий не так-то просто было, некоторые народы вымирали вот так, в бесславной охоте на индиго.

Синего не было пока, зато остальные цвета подошли. Кружок выпрыгнул из-за полоски, вспылел спектром и выпустил свои роскошные токи, отображая чёткую исполненную разума реальность: охровый песок, папоротниковую общину, здания живые древесные разных форм – в каждом существе пульсировала история эта новая, которая прямо сейчас рождалась.

Сэвен попытался ещё раз более продуманно продавить сопротивление эллиптического листа, попросить его так, как он умел просить, но и в этот раз не получилось узнать, какая

магия самая простая и самая чёткая заложена была в цвете. А ведь он так хотел научиться проникать внутрь всего, что видел, наращивал как мог воображение – главный чувствительный слой, из которого вырастала эта эксцентричная реальность, где у природных явлений объявлялось сознание, где деревья были вооружены жёстами, где змеи ползали готовыми тотемами, а над озером летали что ни птица, то птах.

Он отложил веточку и стал на публику глазеть, изучать повадки других, взглядом маневрировать, гадать и настраиваться на погоду. Сегодня была хорошая погода, покладистая, и настраиваться на неё было одно удовольствие. Ветер фён качнул своё нерасторопное тело и закивал лодками, разумно переводя акцент с одной на другую, как режиссёр, что ли, или балерина из пальцев, заморгали крыльями эмоциональные бабочки (*вицептицы*), укротился шар, и на мятую лужу воды выпал осадок ночи – плёночка, которую звёзды не успели утянуть с собой.

...Лодка подпрыгнула, и Сэвен переключил своё внимание на качающийся парк: розовые турчи-коробочки, стрелолист и маленький рогоз. Здесь плавали нарядные экстраверты: бисерные принцессы, крышеносец, Артист, псевдогоголь, вышлепка. Они плыли очень достойно, выгибая каждый свою лодку в соответствии с великим замыслом. Экстраверты, обращённые не в веру, но наружу из себя, демонстрировали отменные свои изнанки и были все как будто на одной волне, хоть волн было одна за другой – целый черед, но они старались все вместе на одну запрыгнуть. Экстраверты вращались шумно в своих кругах, но при этом не жадничали и раздавали проплывающим мимо торжественно не обещания, но фразы-сачки, которыми потом можно было мысли вынимать из потайных углов.

– *Ложка для впечатлений; пред существующая материя; «кто-то укусил меня собакой»; чемпионат по кризису; пересаживание духовного облика...*

Тут полно их было раскидано – этих сачков. Сэвен активировал хватку и выхватил один из таких, чтобы попрактиковаться с выниманием мыслей, однако выходило пока неловко: по-прежнему вместо идеи он ловил информацию. Застрявший в собственной сути, Сэвен хотел было огорчиться по поводу отсутствия идеи в сачке, но потом решил, что и информация немало хороша. Он потряс категорично сачок, надеясь получить больше, и вот что оттуда вывалилось.

ПАРЕДЕМ

Адаптация воображения

На больших атмосферных участках, там, где воздух плотный и громкий, как обожжённое стекло, там, где вода-мудрец вступает в переговоры с носителями ушей, там, где раскураженное пространство, дель (*цитоплазменные образования*) и никакой явности, там носились по дорогам деловитые брони. Носились, или стояли, или всё вместе – про бронов не поймёшь сразу, что они такое и можно ли это двумя глазами воспринимать или всех органов чувств мало. Хотя вели они себя прилично в основе: не воевали с демонами, не слепляли новых планет, не вползали в животных через ноздри, но тоже могли под настроение и куролес вымыслить, и гомон развести.

Утром плавали на лодках, вечером спали или бродили, а днём они то ли копали, то ли вошкались, что-то теребили, где-то примеривали, в общем, умели себя ничем не занять.

Со стороны казалось, что это всё сущая безделица – их жизнь, правда, если понаблюдать за ними подробно, если присмотреться, можно было увидеть, как они вечно напряжены, как будто тянут что-то извне. Хотя руки у них были свободны, но на лицах явное отображалось усилие. Усилие это не портило им настроения, никак их не расстраивало и не удручало, но даже заметно было, что в этом усилии содержится какое-то ясное начало, что ли, – зарождение восторга.

Это место, где жили брони, называлось Паредом, и до него добраться просто так нельзя было, случайно заблудиться и приехать сюда – этого бы не получилось у вас. Паредом должна была позвать к себе, в себя, и только тогда возможным становилось ваше совмещение – броня (*или постчеловека*) и пространства этого, организованного невиданным способом.

Клочок этот, то ли остров, то ли страна, но всё же, скорее, остров-клочок, выглядел немного затуманенным, там такой стоял цветной воздух, а всё потому, что на этом клочке жизни были целые заросли индиго, и эта энергия синего заполняла всё вокруг, придавала реальности томление и взвешенность. Брони считали, что синий – цвет момента, короткая волна, поэзия высоких энергий, как космические потоки или ядерные реакции (*гамма-лучи*), это цвет, который надо было уметь видеть, и это знак ещё (*тот, кто научится видеть синий, умеет жить настоящим*). Это объяснялось так вот: в природе нет старого синего, даже астероиды меняют свой цвет по мере старения – из синего в красный. Всё, что кажется старым, есть молодое в своей системе жизни, а жизнь – это электромагнитное излучение для других объектов, то есть тот же цвет.

Брони жили в основном в маленьких аккуратных домиках, которые были в прямом смысле выращены. Дом состоял из лощёных трубочек, в каждой из которых угадывалось гладкое молодое дерево особого вида. Трубочки утолщались книзу, и там были корни (*на разных уровнях*), то есть дом рос вместе с его составляющими. И ни одно деревце не имело права вымереть там, ни один корень не имел права загнить, вот и стояли они так, сцепленные друг с другом идентичным порывом (*идеей созидания*).

Иногда встречались двухэтажные дома. Если на первом этаже у некоторых какие-то занавески на дверях обитали, полотнища, ваферсы, то верхний этаж был почти открытым, и только верхушки деревьев могли украшать его своими курсорами. На втором этаже обычно располагалась кровать, то есть второй этаж и был кроватью, но спали тут по особым ночам, когда хотелось небесные сигналы читать глазом, ухом слушая, как цикады голоса, трещат каплями потки и маленькие ненадоедливые скрижали скрижат то тут то там по пространствам – пишутся сами собой или кем-то тоже.

Второй этаж назывался чердачок, это было что-то вроде мыслительной комнаты. Когда брону хотелось помыслить углублённо, довести до исхода группу идей или в поток единород-

ный вывести, он мог запереться на чердачке и не выходил оттуда, пока на него не снизойдёт. И поэтому иногда брони здоровались вот так:

– *Снизошло?*

– *Снизошло, спасибо. И вам самого снизошедшего.*

Как только рождался ребёнок тут, ему сразу же сажали дом. Сначала родители следили, чтобы всё правильно прижилось в земле, но потом будущий хозяин сам выбирал форму, связывал ветки и сооружал перегородку между этажами – входил в контакт с будущим домом, ведь им предстояло теперь вместе жить, друг в друге, и стоило вырастить с пенатами доверительные отношения. Дома получались самой разной формы, какие-то были куполообразные, какие-то квадратные более, иные были похожи на тляпу, другие вообще извернулись спирально, и почти всегда, взглянув на дом, вы могли угадать сущность его владельца.

Брони обожали свои дома, и иногда им удавалось добывать Фе прямо отсюда, но в этой привязанности они не забывали об основном деле, и потому в канун каждой мадругады брони прощались со своим домом и желали ему приятного роста. А сами шли туда, где получалось расшевелить восприятие: на озеро, в шевелильню, комнату смысла или к другим бронам, которых в иные моменты в большом количестве можно было обнаружить на выдаче сачков у экстравертов. Иногда они шли за стаканчиком корневина, который подавался в корнебаре на холме, где стоял маяк, и оттого, если кто-то шёл сюда, то сообщал: «Я на маяк», хотя, конечно, на сам маяк он и не мыслил забираться, но хотел просто соков растительных попить в корневой точке Паредем.

Вот так и сложилось, что маяка, мыслей, рассматривания неба – этого было им достаточно, брони развлекаться привычными способами не очень любили, им больше по нраву было придумывать новые праздники и отмечать их или просто придумывать (*фамильярды и кудесные вечера – это всем очень нравилось*). Нравилось им посещать выездные миры, подземные очки примерять или ходить слушать пульсацию гуттаперчевой горы, из-за которой в округе случались маленькие живые землетрясения (*были хороши для всех как встряска*).

Бронам хватало эмоций от основного их занятия, а иногда ещё можно было добавить к этому несколько ощущений от общения с новенькими. Когда приезжали новенькие, они им всё самое лучшее своё показывали; например, показывали дождь, говорили: «Вы же дождя как такового никогда не видели. То есть вы видели, конечно, как вода сверху падает, но это же нельзя так воспринимать, этот процесс исключительно интересный». Так говорили, а потом сажали любопытного в кресло у воды на острове дождя (*кропотливый Муэд уступал место*) и смотрели на его реакцию, радовались тому, что ещё кто-то такое увидел – дождь как зрелище.

Несмотря на то, что они старались поддерживать действительность в нескончаемом празднике, здесь каждый трудился на благо, у каждого было своё предназначение, миссия, в которой он был рождён, или унаследованные дела, так, к примеру, брон Теофан раздавал поблажки. У него отец поблажки раздавал и дед тоже, поэтому можно сказать, что он раздаватель потомственный и ускользнуть от этого не получилось бы. Но в основном миссия по факту рождения возникала, вернее, факт рождения в Паредем гарантировал закладывание в ребенка этой самой особой броновской миссии. Хотя некоторые брони рождались на большой земле (*её тут не называли так, но подразумевали как Бня, Большое накопительное явление*).

Помимо бронов тут ещё хамернапы жили. Они были немного дисперсными (*рассеянными*), но это им ничуть не вредило, а, наоборот, помогало, ведь хамернапы были логично рассеянными, то есть умели регулировать свою видимость, навроде тех осьминогов, что глотали люминесцентные организмы и становились незаметными в воде. Хамернапы и днём неплохо справлялись с задачей исчезновения, но их главным фокусом было исчезновение в темноте (*иногда эти существа исчезали на всю ночь, и где они тогда жили, брони так не смогли вывести*). Но один из хамернапых секретов всё же был раскрыт: у них же всегда с собой имелись

специальные фонари, по виду лампадки – переносной свет, вот благодаря ему они и могли такие штуки с собой вытворять.

Хамернапы были склонны к сюрпризам: неожиданно так отделялись от природы и всячески приветствовали бронов – танцем ли, телодвижением или просто руки сцепляли так трогательно и улыбались, губы растягивая в ленточку. Они считали себя обязанными бронам помогать – по хозяйству или с организацией чего. Из старейшин тут был известен БомБом, он за тем следил, чтобы не утерялись традиции и порядок, а именно: каждый хамернап непременно должен был всегда благочестиво выглядеть, так, чтобы никто не понял, что он хамернап (*«сказочный»*), он должен был носить сшитую одежду с именем на переднем кармане и сандалии. Хотя они и старались маскироваться под бронов, чтобы хозяевам максимально так услужить, но вычислить их было несложно – по носочным деревьям. Где эти деревья, там хамернап возится. Просто они жить не могли без того, что бы ни развести где-нибудь носочный куст – развешивали носки сушиться прямо на ветках, и это всегда было как-то по-новому. Ко всему тому со страшной силой любили хамернапы устраивать везде печки, и даже если вот интеллигентное место, кто-нибудь из них где-нибудь непременно устроит свой тайничок горящий и будет наслаждаться этой деревенской атмосферой (*такие они сентиментальные*).

В общем, у хамернапов наблюдалось несколько явно позитивных качеств: во-первых, были они хозяйственные, стирали, тёрли, мыли целыми днями что-то, и так им это нравилось, как будто планета для того и была создана, чтобы регулярно очищаться. Во-вторых, была у них явная склонность к созиданию (*вспомним про носки и печки*). А в-третьих, хамернапы исключительно красиво и непосредственно умели удивляться. У них на случаи неожиданностей, удач или изменения погоды было приготовлено сто сорок тысяч лиц. Некоторые так хорошо умели удивляться, что им больше делать ничего не надо было – только удивляться. Экстраверты или гости иногда брали их с собой в путешествия, на выставки, в большие общества, только чтобы они продемонстрировали своё искусство удивления. А иногда даже раз в тысячу моментов проводились в Паредем специальные конкурсы на лучшее удивление; сначала конкурсанты удивлялись каким-то картинкам, домыслам, идеям (*брона с удовольствием подкидывали им свои измышления, надеясь выловить в их непосредственных реакциях часть расшифровки*), а потом всем победителям дарили «спелый машок» – полный сюрпризов свёрток.

Вот так и происходила жизнь в Паредем. Хамернапы стирали и удивлялись, а брони ловили знаки, тянули Фе и попрыгивали на водном батуте. В свободные моменты брони могли ещё купаться-кукаться. А иногда брони и хамернапы собирались вместе, и начинались большие кутанья. Это же было очень весело – кутаться. Там рос такой закуток специальный, и все там кутались; вечерами закутанных было не счесть, то есть посчитать можно было, но это непросто давалось, поскольку некоторые умудрялись кутаться так плотно, что становились похожими на диваны, кресла, подушки, и тут уже нельзя было одно от другого отличить. Укутавшись, и брони и хамернапы замедляли окружающее, сворачивались сверчком, но не трещали, не плавились, а плыли в улыбках; в общем, кутанье было тут любимейшим отдыхом у всех.

Теперь пора было бы понять, кто такие эти брони и как они возникли. Это не сразу удалось узнать, и лучше было бы сразу после мадругады пойти к Допсу (*изобретателю системы моментов*), сесть у него на пороге дома, стараясь не будоражить рассветных бэбибуш, которых тут тьма, и слушать витиеватый авторский рассказ про бронов. Допс каждый день его повторял заново, если были желающие послушать, и каждый раз это было не повторение, но новый рассказ, собранный из тех же частей другим способом.

ФАРУЛ ДОПС

Вживание эмоции

Фарул Допс, мужчина с толстым и умным лицом, выпуклый, но прямой, вышел на веранду и, убедившись в том, что есть уши, в которые можно говорить, приступил к процессу. Спросил первым делом:

– И как вам мадругада?

– Угулю-лю, – загудели новички.

– Почти понятно, – улыбнулся мужчина. – Первое время берите у экстравертов сачки кручёные и ловите на изобретение, но даже если попадётся просто мысль – это хорошая зацепка, продолжайте замахиваться... Вот так.

Лектор свёл брови, изображая мыслительный процесс.

– Поняли, как замахиваться? – переспросил лектор.

– Поняли, – протянули обучающиеся.

– А вот ничего вы и не поняли, это я до этого морщился просто, а вот теперь как замахнусь!

И присутствующие смогли наблюдать, как у него на лбу прямо вот сразу же выписался из морщинок символ приблизительный немного, но очень знакомый, с пятью углами в разные стороны...

– Как это вы? Что это? – выкрикнул кто-то из аудитории (*природной*), не сдержался.

– Это звезда во лбу, какова шутка, а?!

И он запыхтел – так сдержанно, но очень забавно засмеялся, радуясь удавшемуся розыгрышу.

Наконец вводно-игровая часть была закончена, и Допс постарался перейти к существу (*тут имеется в виду существо дела, потому что зачем бы лектору переходить к какому-то непонятному живому существу, если он ещё лекцию читать не закончил*). Вот так он переходил:

– Меня зовут Фарул Допс, и я доктор по эмоциям. Я расскажу вам, кто такие брони, какая у нас функция, она же – предназначение. А что такое кольдер или где находится саговое дерево – это вы сами поймёте... Когда изобретёте их!

Сказал – и опять пропыхтел, как смеялся. Студенты моментального института (*название наводило на воспоминание о знаменитой системе моментов Допса*) разместили тела в пространстве более фривольно – кто-то разлёгся, кто-то в «кота», но все почти как-то в едином порыве сконцентрировались и подняли головы, приблизили как бы, предвкушая информационный экстаз. Доктор Фарул ещё раз блаженно оценил взглядом приготовления эти, погоду, лекторий из окружающей среды оценил и продолжил говорить:

– Как всё началось тут? По-видимому, так вот: людей становилось больше, и Фе на всех не хватало, тогда и родились брони. Они стали вынимать собой Фе из скрытых участков, таких скрытых, что не каждым существом вынешь. В общем, вот так они выдёргивали её из ареалов и потом перерабатывали в изобретение или труд. Конечно, не все сразу поняли, чем занимаются. Сначала они кусали себя и падали, они думали, что это мантра очередная или вирус гиперлеи (*завышенного вдохновения*), но постепенно до них стала добираться разгадка – через поры или какие-то они себе истинностимулирующие гимнастики подобрали... В общем, стоило им разгадать, и тут же вычленилась Паредем, новая форма жизни. В честь неё и назвали поселение.

Спросишь у бронов про историю, они скажут, что у них прошлого нет, но старая курандейра (*она же ведьма-академик*) иногда приходит из соседнего пространства и рассказывает бронам, что некоторые на большой земле их увидели и придумали им историю такую: мол,

издревле все люди были людьми, но кто-то из них был другим, все люди любили фафель, и только один народ фафель не любил и был изгоем. От него и произошли брони. Только знать бы, что такое фафель, а то уж очень непонятная версия, скромнее намного истории балконного города-прищепки или биографии крохобора.

Впрочем, есть и другая версия, тоже извне. Сказано, что давным-давно, в самом начале мира, среди людей стали появляться существа, которые могли ходить везде, и это было им не страшно, они могли ходить через любые границы. И не было там стенок никаких, и не было там греческого огня, они творили историю как хотели, и они расшатали энергетический этот остов так, что он и рухнул вовсе. И Фе распалась на взвешенные частицы, которые не так-то просто из поля вытащить, но брони стали учиться, чувствуя свою вину за разрушения, начали учиться и доучились до того, что теперь служат передатчиками этой энергии: переносят её из высшей материи, перевоплощают в знание и передают.

...Допс остановился, заткнув этот радужный фонтан легенд, осмотрел аудиторию кивками, как будто высчитывая количество открытых ртов, и вскоре продолжил, уже поспокойнее, если только к нему могло быть применимо такое:

– Мы не меняем Фе на глобусы, ржач, но меняем на коды, рок-группы, на лав и на запщепки для домов (*ещё книги и одежда сюда*). Еду нам не нужно покупать, а плошки для корневины мы сами делаем из опавшего хлебного ореха: разрубил – и вот же сразу посуда готова, можешь отобедать. Помимо плошек ещё мы делаем бокалы из зеркальной смолы серебряного дерева. Брони не едят ничего, только пьют разные виды сока, это живительный хаома, он же корневин, им пропитаны наши дома, лодки и организмы. Благодаря этому соку, входящему во всеобщий круговорот усердия, мы можем не истреблять животных, не думать о смерти от голода: любой брон в любой момент может насытиться, не причиняя никому вреда. И это стало нашей большой победой над стереотипом прямой пищевой цепочки, по которому живой организм больше тютеля должен непременно где-то разрушать, чтобы «продлевать свою длительность».

Получив первые успехи в выявлении стереотипов, мы решили, что и дальше будем выявлять, зачем нам лишний мусор в Паре-дем?! И вот мы по мелочи сначала выявляли, а потом как-то скрепили умы и обнаружили неожиданно этот громоздкий такой принцип глобального копирования. Не буду рассказывать, как усердно мы его переосмысливали. Но теперь вот что у нас: брони не пытаются навязать свою структуру всему, с чем сталкиваются. Мы очень стараемся быть чистыми передатчиками, хотя всё же подпадаем косвенно под глобальное стечение обстоятельств, но это уже, скорее, истории из Каталога Казусов (*так называется наша священная книга, там записаны все ошибки бронов с того момента, как мы заселили Паредем*). Мы совмещаем материю, которая силами людей не может быть совмещена, мы работаем как ультразвук, который помогает сцеплять несцепляемые материалы. И в итоге копирования не происходит.

В мире людей бронов ещё не разгадали до конца, некоторые видят нас, но большая часть людей уверена, что мы, как они, люди, только очень странные, дурачки, чудики или ленивые... Тут я ещё раз более живописно объясню, в чём наше отличие от людей. Есть существа трогающие и проникающие. Люди – трогающие, они научились управлять энергией предметов и завоевали материальный мир, некоторые из них постарались его законсервировать, другие пытаются его изменить, но всё у них происходит на уровне предметов исключительно, даже если мы говорим о самом сильном их предмете, дающем право быть создателем, самый сильный предмет – это кэш. Впрочем, любовь для них – тоже предмет, и там же в ряду предметов млечности, поцелуй, кладезь (*предмет исследования или предмет разговора*). Проникающие существа – брони, они в основном с чистой энергией работают, но и с предметами тоже: начинают изнутри, сначала проникают в предмет, потом в его историю, потом в его значение, потом

в его смысл и в его эмоцию (*у предметов полно эмоций!*). Таким способом они умеют проникать в самое начало всего, начало это названо Паредом, как мы знаем.

Трогающие люди редко умеют совмещаться друг с другом настолько, чтобы встречаться потом в других слоях, внечеловеческих, а брони умеют «любить вечно», но это вы потом сами поймете, что я имею в виду... А теперь, друзья, осматривайте, мните, проникайтесь, сидите у воды, охваченные летом. Кажется, что тут так солнца много – жар, но это помощник вам. Умственный климат, благодаря которому каждый брон живёт, грубо говоря «в состоянии основания религии», у нас тут трепетностью какой-то такой природной разбавлен, солнцем живым, и это вот хорошо очень для предотвращения гнилостных иллюзий... Вот как-то так, на этом, пожалуй, и остановлюсь. Если кто чего не понял, подходите – я могу не только как лектор, но и как выюрок жевать и переотрыгивать.

Лектор пропыхтел коротко, скорее, в форме рефрена, нежели подразумевая смех, переместил очки с одного места носа на другое и присел у воображаемой кафедры на случай, если будут какие-то вопросы, но слушатели уже перевоплотились в говорителей и обсуждали что-то бурно и, по всей видимости, *усердно*, приводя в аргументы не только слова, но и положения тел: боски да коски (*живые символы*). Доктор по эмоциям улыбнулся, растроганный этой первичной интеллектуальной оргией, встал, оправил одежду (*халат будто или подлинный фрак*) и пошёл по блестящим камням в сторону чащи, попыхивая губами, как будто он был некоторого рода паровоз. Сэвен поспешил его сопроводить.

– Вы не против? – спросил Сэвен, занимая крайнюю позицию по диагонали, как будто они в шахматы собрались играть.

– А я о вас слышал... Вы стратег, да?

– Предположительно.

– Это нечастые гости у нас – стратеги. У вас ко мне какие вопросы?

– Хочу разобраться, что тут со временем, вы ничего не сказали об этом.

– Это сложно объяснить без примеров, примеры тут «свои» должны быть, чужие не годятся совсем, поэтому я новичкам об этом не рассказываю с бухты. Потом уже, когда начувствуются...

– Но я могу понять.

– Вы можете, это точно.

Доктор переместил очки к подбородку, освободив глаза, и, только подробно протерев каждое стёклышко, вернул оптический велосипед на место.

– Знаете, я педантичный немного на деле, но при этом совершенно не умею содержать в порядке свою голову, вечно туда что-то новое заваливается, и опять всё с полоч вниз... Вы с этим как справляетесь?

– А я к этому стремлюсь, напротив. Поверьте, это невыносимо – жить в целиком организованном мире.

– Сложно такое представить мне, совсем не представляю, как ни стараюсь теперь...

Он стал сдвигать брови, и чуть было дело опять до звезды не дошло, но Сэвен поспешил приостановить этот звёздный лоб.

– Не стоит эта тема такого. Лучше ответьте мне...

– Вы спрашивали?

– Про время.

Фарул Допс расправил лицо, освободившись от непредставяемости, и снова вернулся к своей пыхтящей манере объяснения:

– Вы спросили, что у нас тут со временем, и я отвечаю: а времени-то у нас как такового и нет в привычном его виде. Мы думаем, что для физических тел это неплохая система координат, но для брони, которые макушкой ноосферу шевелят, она слишком статичная. Время ограничивает броня своей неподвижностью, вынуждает его давить на естественные процессы

мысли, а это не хорошо вовсе, это тят-ляп, то есть подмена натуральных ориентиров, клетка... Поэтому мы используем систему моментов – она живая. Мы понимаем, когда происходит момент, потому что момент – это яркая точка, даже не точка, а что-то такое... Шарик, что ли, как молния шаровая – форма накопления жизни.

...Допс патетично осел вбок, споткнувшись о какую-то выпуклость коряжного типа, осел немного, но быстро расправился.

– Вот видите, иногда я бываю так поражен своим же открытием, даже под ноги забываю смотреть, – пропыхтел он. – Что там у нас?

– Вы говорили про время.

– Ах да... Так вот, у некоторых бронов сто моментов, у некоторых сто по сто, но это неважно так уж, потому что каждый брон составляет своё время. Спросить можно у кого-нибудь: «Вам сколько теперь?» Ответят, допустим: «Четыреста моментов!» И тогда уже можно дарить юбиляру подарки... Моменты считают, чтобы понимать, на сколько брон нажил, не только из-за юбилеев, конечно, но и из-за них тоже, ведь, если у кого юбилей, он может пригласить друзей в путешествие по своей истории, поставить спектакль или вечеринку какую изобрести, это всё очень весело. У нас есть брон, он опытный организатор исходов, и вот у него недавно две тысячи моментов накопилось, так что он сделал? Пригласил нас всех в парк тама-риковых кустарников и устроил нам такой праздник (*люди говорят «корпоратив»*) – сборы манны небесной. Получилось неплохо.

– Представляю.

– В общем, мы тут убедились уже, что моменты – это хорошая система, потому что это время, высчитанное с учетом концентрации жизни в организме, а значит, самое точное.

– То есть если у меня восторг, если озарение – это момент? – уточнил Сэвен.

– Момент – это когда ты переживаешь это озарение в действительности, иначе у нас бы каждый день был как момент.

– Хм...

– Моменты – это узловые события, те, что развивают твою мысль... Это очень неправильно теперь объяснять. Ты всё поймёшь, поднабрав первый десяток. А там как по накатанной.

Сложилась пауза, и гуляющие обрели возможность рассмотреть сеточки вместо воздуха, ажурные узоры, в которые переходило солнце, проникая в лес своими мягкими игривыми спектрами.

– Ну и красота, – прошептал Сэвен.

– Это да, – согласился Допс. – В Паредем очень много света, у нас есть растительный свет, животный свет, есть свет как изнанка темноты, к тому же мы всегда держим его при себе как талисман, для этого у нас есть фонари, ночью без них довольно трудно перемещать своё тело, оставляя его неповреждённым; это хамернапы придумали, они большие поклонники свет собрать во что-то и с этим носиться.

Фарул Допс чувствительно улыбнулся и вложил свою руку в пыльно-узорную геометрию, перенёс на кожу временную солнечную татуировку.

– Доктор, простите, что мешаю вашему отдыху, но у меня ещё есть к вам вопрос относительно меня самого, – поспешил заговорить Сэвен, боясь, что его собеседник вот-вот впадёт в какое-то новое, придуманное им немедленно состояние, несопоставимое с общением. – Вот что мне неясно совсем, так это то, как я могу переносить Фе? Я писать не умею, не пою, не интересуюсь наукой и в целом мало одарён...

– Тут я вынужден немного повторить сказанное. Паредем – это психофизическое образование, работающее на определённой частоте, сходной с частотой общего (*оно же природа плюс Фе*), что позволяет нам получать мысли из первоисточников. На большой земле люди также могли бы разговаривать с дендрами, сиянием, водой, ведой, если бы смогли настроиться

на их частоту. Броны же почти постоянно настроены на неё и, кажется, могут принимать собой «трансляции всеобщего». Но при этом там много помех тоже (*всеобщее обороняется*), и потому мы вынуждены вести такой образ жизни, чтобы научиться слушать сквозь...

– А я-то вам зачем?

– Какой нетерпеливый, я подступаю к этому... Стратеги могут брать Фе не только из мира, грубо говоря, природы, но и из мира людей, что нам недоступно. Ты можешь перерабатывать одну Фе в другую.

– Зачем это нужно?

– Сейчас особое время, помех стало слишком много, и мы не можем понять первослом, очень много шумов и странностей, мы не знаем, откуда они взялись и что они такое... Поэтому мы просим тебя помочь настроиться на обе частоты: Паредом и человеческую, и вытащить для нас эту причину.

– Но как это сделать? У меня же никакой практики...

– Это ничего. Скоро ты посетишь комнату смысла, через которую будет происходить твоё общение с человеческим миром. Там ты будешь добывать и вырабатывать *акту ал*, который поможет нам понять, как люди влияют на возникновение этих помех. Может быть, здесь затронута материя, скорее всего, человечество также играет роль в этой ситуации, поэтому мы и пригласили тебя как пограничного участника, и мы надеемся на твою помощь.

– Я пока мало что понял.

– Ещё бы, столько абстрактных слов, думается мне, ты от них не в восторге.

– Это правда, на большой земле я больше конкретику любил.

– А здесь с ней тяжело бывает, как говорится: не раскроешь – не найдёшь.

Допс вынул руку из световой ложбинки, и тут же все татуировки исчезли. Он повернулся к Сэвену и похлопал его по шее, как будто настраивал какой-то прибор или мимо плеча промахнулся.

– Не бойся, тебе должно понравиться тут. Главное – слушай Паредом. Она позвала тебя, значит, что-то покажет, она захотела перетащить тебя в броносферу, и это не просто всем – перешагивать оттуда сюда. Учись ей доверять. Только думай всегда, чтобы не стать чудиком. Чудики – это низшее воплощение броня, они не умеют переводить идеи в материальную плоскость, они – затычка для идеи, а ой-ой возомнили о себе! Чудика ты сразу отличишь: энергия обычного броня – зрелая, высокого качества, а в чудиках она ломается, болеет. Но они как будто не понимают этого: хватают настырно низшие идеи и вываливают их на человечество в необработанном виде, выдавая за истину... Чудиков можно отличить от других броней: у них обычно два рта, один основной, а другой поверхностный, как нашлёпка, и они говорят обоими, так что в конце концов всё окончательно перепутывается. Но не думаю, что бы ты стал чудиком, это я так только предупредил, мало ли... И вот ещё что, мой совет: двигайся не только вперёд, но и вглубь, при этом оставаясь снаружи, потому что, как только ты попадёшь целиком внутрь чего-то, ты перестанешь смотреть на себя со стороны, а этого тебе нельзя делать в таком состоянии, ты же ещё совсем человеческий.

...Фарул Допс закончил наставление и торжественно отхлебнул из лиственной фляжки, которая висела у него на плече.

– Выдержанный корневин, приятная штука.

– Это как будто виски?

– Нет, это как будто у тебя в одном глотке информация о многих поколениях. У нас некоторые деревья никогда не были сцезены, мы просим у них разрешения взять немного сока – это и есть вот такой особый корневин. Не могу дать попробовать (*это интимное знание*), но пью за твои перемены, а именно: Сэвен, теперь ты праздничный живорожденный неофит!

И он опять пригубил немного, а потом как будто исследовал вкус (*или действительно знание получал?!*), с закрытыми глазами стоял, как девочка после поцелуя. Сэвен решил не мешать его неге.

– Спасибо, доктор, за лекцию, это было поучительно очень, а теперь с вашего позволения я пойду у воды поброжу.

– До свидания, Сэвен, – сказал Допс, не открывая глаз.

ОЗЕРО

Соединительная ткань

Сэвен полюбил гулять вдоль затянутой в форму воды, вдоль шуршания, вдоль галереи гнёзд, которые прямо на камыше крутились. Приходя сюда, он снимал рубашку, материю, закрывал глаза и брёл снова по своему тонкому пятиклеточному тоннелю. Внизу было расстояние, эпизоды, жизнь под ногами, но он туда не смотрел, он туда не заглядывал вглубь и точно уж не понимал, какое направление, какие где тотемы собирать, что делать по правилам, а где нарушать. Сэвен шёл по своему тоннелю опять, и там не то что людей не сыскать было, там и солнца ни на пол-ламп. А вместо этого там всегда была леска кое-какая, странные источники направления, там бордер был, карлики и разворот на каждой ноге, там истекали желаниями пропавшие без вести тела, там плавили картон для масок, там рост был в сторону и по кривой, там человек-диаграмма вздрагивал и пытался изменить конфигурацию.

Он захотел теперь глаза открыть, выйти из воды внутренней, из своего тела, но тут не надо было так радикально бороться с медлительностью человеческой (*рамками*), вытармашивать себя оттуда насовсем, выгонять изнутри, а нужно было только смотреть, сравнивать и мусолить застывшие воспоминания, позиционируя себя воронкой. Это он такой путь для себя выдумал тут прямо.

Вода подбегала к берегу и падала на сушу тяжело, громко, как империя мыслей, и её нельзя было ни остановить, ни прочитать, хотя чувствовалось, что там великое. И иногда оно прямо тут, в настоящем, вырастало: тишина абсолютная, как вакуум, словно загадка, в которую ты вписан, и это сложнее всего – разгадывать и быть данным.

Сэвен разделся и прыгнул в воду. Озеро было теплое в этот день, спокойное и тёплое, иногда там что-нибудь крутилось мелкое вдалеке (*гофрированные волны*), но они были маленькие совсем, для красоты. Он плыл медленно, не желая устать, он смотрел на свои руки и видел, как мельчайшие пузырьки воды возникают там, на его коже, как привязывается материя к материи – родственные тела.

– Теперь я внутри, – выловил он мысль из воды. Мысль была неясная до конца, просто набор ощущений, впрочем, именно так начиналось его выворачивание себя налицо – с расшифровки внешних этих намёков.

Здесь было столько эмоций, здесь были раны забытые или ненайденные, здесь жили знания. Здесь не было запахов миротворных или налитых свежестью фрагментов истории, но тут был для Сэвена прекрасный подарок: течение информации, которое понемногу проникало в него через поры, вносило ощущения в движение крови по телу, в флербос, таламус и последующие разговоры с собой. Не вдруг, но постепенно он почувствовал это течение, получил от воды то ли ассоциацию, порыв, и теперь он говорить с ней мог, и теперь он говорил с ней:

– Аравана, Дису с голубиная кровь, Телескоп – они из тебя слеплены, они и есть твои мысли, твой разум, твоя эволюция... Я тоже тут, внутри, и я хочу знать каждое твоё решение, прошу теперь, сделай меня своим элементом, но не раствори в себе насовсем – мы разных заданий стратегии.

И вода отвечала ему ледяным равновесием, волнами из мягкого стекла и тотальной вязкостью – постоянной эмоцией, вырванной пытливым разумом из контекста вечности, шифрующейся под гибкий медлительный хаос.

ДОРОГА

Мысль определена

Он попал сюда недавно, а до этого была его дорога в Паредем, долгая и внезапная, как будто всё в одном.

Сэвен проснулся как-то утром, проснулся с горчичным лицом, один, в стеклянно-песочной коробке, истыканной не балетами, но пустотой динамичной – прорехами, каверзой, псевдолюдьми, четырежды испытанными на роднение, – провалившимися; историей, схлопнувшейся в несуществующий космос, – не справилась; с витающими под потолком призраками тщета, с самим тщетом – бородатым, слепым увальнем, заменившим бабая и отрабатывающим свой срок согласно распорядку вселенной не как организма-гения, но как всечастной тавтологии. Он проснулся, огляделся по сторонам – всего четыре, огляделся на все четыре и подумал такое вызревшее в мысль, подумал, что очень устал он.

– Как же я устал, – он подумал и начал расплываться по комнате раздумьем, расхаживать по комнате, вынимать из себя кубики предчувствий, интуицию поддразнивая самолюбием; начал он придумывать так, что бы ему лучше: яд втолкнуть в рот или отдохнуть просто-сложно от этой склеенной в целлофановый пакет пустоты, отдохнуть от пакета такого или продолжать складывать, складывать продолжать в него. Или на вторичную переработку послать это в картонной коробке с курьером-девочкой, приспособленной к грубости и декаданским ласкам.

Сэвен так думал-думал, ходил по стезе от угла к углу, а потом сел, ноги в треугольник, глаза закрыл и поехал к учителю местному, Кандидату Спирали (*вечности*). Тот сидел на золотом стуле над обрывом в лесу Бета, был день избрания нового Бэ, и туда мало кто мог попасть физически, поэтому Сэвен туда не попал физически, но как-то фрагментально влез туда, в другую плотность, влез туда, с учителем поздоровался и сразу заявил о проблеме:

– Учитель, у меня дырка растёт в груди.

– Где?

– В груди.

– Садись.

Сэвен сел на более маленький, но тоже совсем золотой стул (*для приёма гостей*), внизу была пропасть такая серая и сплошная, что ноги его чуть не засосало, и засосало бы, если бы вовремя он не сложил их в треугольник послушный – так они продолжали.

Знаток мира, он же учитель, он же специалист по сан-сану и спириту, тонкий масочный мужчина с тройной бородой разных оттенков белого открыл глаза, уставил их внутрь самого себя решительно и что-то шептал, как будто слова подбирали то ли красивые, то ли точные, то ли вынимал эти слова откуда. Наконец он сказал:

– Тебе надо бы заткнуть эту дырку, что растёт в груди.

Это был хороший совет, Сэвену понравился такой совет.

Учитель продолжал:

– Я дам тебе зуд поверхностный, он будет с тобой до тех пор, пока ты не найдёшь своё состояние, до тех пор будет зудеть, а когда перестанет, ты поймёшь, что там твоё. И когда ты поймёшь, дырка у тебя внутри зарастёт, но пока ты не понял, она будет расти и расти. Поспеш, пока не затянуло всего.

– Спасибо.

Он вернулся в комнату, прошёлся рукой по волосам, на лбу – мокрота, в голове – горячий, то ли цвет, то ли безумие. Сэвен прислонился затылком к стене, надеясь почувствовать округлость своей головы и вернуться в геометрию привычных событий, но мысли атаковали, и теперь одна из них вирусом проломила систему, он выловил её и хотел было убить, но сначала продумал эту мысль из чистого любопытства. Из симпатии к любым видам мыслей. Она

сообщала о том, что в последнее время Сэвен стал немного продолговат и размог в глубину расти, хоть ему и хотелось в глубину расти, а не продолжаться, но он продолжался только, как будто это дыра атаковала... Сэвен прервал размышление, потому что уловил какое-то шевеление неподалёку.

– Вот тцет, – выругался он, пытаясь вытравить рукой старикашку из угла, но тот увернулся. Сэвен нервничал и не решался бросать, хоть и бросать было нечего особо, но было что. Привычка щекотливо напоминала о себе, можно сказать, что щекоталась (*не щекоча воображения*), и Сэвен смеялся, он так привык к этим распорядочным эмоциям, что боялся их прекратить. Это вот нужно было бросить. Потом ещё оставить свои сундуки – клад, натёртое постоянством место, копебан – условную рассудочность (*тот ещё зверь*), куколку мандариновую на съёмной квартире, меказон, хранилище правил, всё это ему было дорого слегка, ползало в голове привычками, канифолями, заводными конструкциями.

Нет, он не был совсем никогда спонтанным, он не умел этого, и теперь он не умел вот так собраться и пропасть или снова зародиться – итог не определён в финале. Чтобы себя подготовить, трижды перекреститься он не мог – не верил, поцеловать лоб родной – такого лба не было тут, угодить в противоречие основательно – это вышло, но быстро выпутался вот как: попытался искусно вылепить в сознании хоть одно существо из ближайших, ради которого он может остаться теперь. Тужился, молил... Но так и не припомнил никого, и в этот момент он решил: нагрузил рюкзак книгами, взял пару рубашек, курточку и поехал первым же самолётом по самому случайному маршруту. Его занесло к арабам, потом он в переходе участвовал, затем пылился в пустыне, торговал рыбой, потом он долго спал, дальше летел над всем миром, падал, ныл и только спустя четыреста пять изменений в мозге, Сэвен достиг точки своего вспыха, кульминации осознания. И только когда он его окончательно достиг, он смог прекратить эту агрессивную свою сомнамбулу, очнуться и понять, где он есть.

Место его судьбы выглядело слегка риторически – он как будто вернулся к началу всеобщей пустоты: четыре хижины без курьих ножек (*съедены были*), две лодки с навесами, кусок воды, сноп, солнечная батарейка у кафе, а в кафе на аукцион выставлен бутерброд с яйцом и чернокожая женщина кричит оперным голосом. Эта мистика могла бы любого напугать, но Сэвену она нравилась. Он с удовольствием сидел на берегу, застывший не как кулак, но как камень, сплетённый из мудрости и ожидания. Он сидел тут и никакой пропасти больше не видел и не видел марганцовку из крыш, а видел бонь, бень и пересыпные пейзажи – нечёрствые, неглухие, а движущиеся, подвижные, перекидные, как на календариках, хаотичные и в то же время последовательные. Зуд постепенно уменьшался, когда он тут сидел.

...Вышло солнце из полосы, выпрыгнуло, и вместе с ним прибежали сюда гуси, йети, звуки, малуки, вышли моряки, деточки, кольцеватые козы, все стояли и смотрели на белого человека большими глазами. Это непонятно было, какая тут страна, с виду – собирательный образ, однако слишком натуральный, будто помещён был во вневременные декорации, но в этом не было подвоха, в этом было чудо, но никак не подвох.

– Привет, – проговорил Сэвен. – Я где?

Но они не понимали, перемигивались, руками размахивали и всячески пытались общаться без слов. Так бы и продолжалось неизменно, так бы и длилось без конца, если бы Сэвен сейчас замялся и не проявил инициативу, но он не замялся и проявил, а именно – вынул книги из рюкзака и сложил из них домик: не для себя всего домик, но для головы конкретно.

– Я себя ищу, ищу место, в котором я настоящий есть, – имелось в виду.

И когда они увидели его инициативу, и когда они увидели, как независимо его голова может жить там, в этом маленьком домике, что он носит с собой, они поняли всё или что-то, и они окликнули его таким плотным родовым звуком, как будто он изобрёл для них творца повторно – если не самого первого изобрёл. Из народа сначала вышел танец – из всей группы,

а вскоре вышел от них представительный, хоть и не менее тогций, чем другие, мулат. Он отделился от общей массы, заёрзал, ссутулился и смущённо сказал:

– Тебе через озеро к озеру.

– Лодку возьму? – спросил Сэвен мягко, стараясь не спугнуть собеседника.

Мулат потупил глаза и ответил:

– Можно.

Сэвен зашёл в воду, прошёл до камыша и ввалился в лодку. Матросы выставили зубные улыбки, почесали репчатые носы, прощупали мокрым пальцем направление ветра и отпустили судно болтаться на природном шарнире. Вода была беспокойная, озеро морщилось или кривлялось, а может, так всегда жило, перемешивая события с событиями что ни день: люди бельё стирали тут, мыли рыбу – ловили и мыли рыбу, продёргивали лодки сквозь воду. И это была, конечно, только вступительная часть, подготовка к тому, что происходило там. Там, где рос синий, там, куда плыл сейчас Сэвен, не догадывающийся о том, куда он плывёт. Шторм трепал их саморубный кораблик, но при этом не давал ему возможности перестараться – сгинуть или утонуть. Они плыли очень долго, казалось, столько воды нет в природе, сколько они плывут, однако они всё плыли и плыли, не замечая ничего, кроме ничего.

Наконец лодочка начала смещаться вбок, и вскоре они пристали к берегу. На берегу были следы от костра, были факелы потушенные, там лежали травяные подушки на пересыпных скамейках у воды, там же стояли книжные шкафы, пуловеры на буквах-вешалках, хортас и положительные формы рельефа.

– Что это? – спросил Сэвен у моряка, который вязал канат к острому крючковатому камню.

Тот окинул руками пространство и сказал:

– Паредем.

Целый век он оставил за спиной, век или время целиком, теперь тут был сгусток вместо природы, сбродная субстанция новая, никому не знакомая, никем не преданная, теперь тут корн начинался, корн или паредем, нгбора или малибас – любое слово ему незнакомое до того.

На берегу Сэвена встретил босой пожилой мужчина – энергичный и причудливый тип с выжженной в серый шерба́той головой. У него была добрейшая улыбка, и ещё он руки складывал очень своеобразно на груди, словно желая радость свою в пучок собрать и выдать кому-нибудь от всей души.

– Мы, хамернапы и брони, рады приветствовать вас тут! – выпалил он волнительно.

– Простите, я не понял ни про бронов, ни про хамернапов, кто это такие...

– Так и должно быть, что вы не поняли! Вы ведь их не знаете! – сказала существо и улыбнулось так ласково, словно в нём была заложена вся доброта мира. – Но я вам о них расскажу – кто они. Брони и хамернапы – это сущности, сцепленные силой Паредем в единый город или остров, скорее, клочок-остров можно говорить, так как у нас даже часов больших нет, какой же это город без часов?! – выразил встречающий свою мысль как мог.

– Это верно, – отозвался Сэвен, расслабившись.

– Скажу вам больше, у нас даже нет тут времени.

– Нет времени совсем?

– Мы его отключили, не держим, вы это сами скоро почувствуете. Что ж, думаю, вам надо отдохнуть после дороги, мы подготовили вам дом с чердаком на холме, кодовое слово *Aliius*, не бойтесь названия, оно живёт само по себе. Я буду вашим хамернапом (*мы не говорим хаус-эльф*), меня зовут БомБом.

– Я Сэвен.

– Вот и познакомились!

Потом они поднимались по лестнице из блестящих камней (*сфалериты*), а вокруг стояли дома из живых деревьев, перемещались мошки-тотошки, зелёные яркие, и жёлтые лохматые

пауки, все добродушные на вид, вполне предсказуемые. На танжериновых деревьях вызревал вкус – капельки цитруса, как маленькие мешочки с отражениями, цветные и ароматные (*Сэвен растёт парочку на руке*). Шуршание кружевных птиц ещё, солнечный торт, блум и кипарисовые плетения.

Вскоре был слом дороги небольшой, они свернули, и Сэвен увидел свой дом – это был живой дом из вполне живых деревьев, вокруг летали какие-то звуки, травы мерцали, жукалки, иногда шорох прилетал слева сверху, – наверное, птица или смехотливый макак ковырял червяков.

– Отдыхайте, я зайду потом, – сказал хамернап и улыбнулся так тепло, что ледники бы растаяли, будь тут ледники.

В эту ночь Сэвен спал мало, а в основном прислушивался, смотрел, удивлялся, что очень уж там всё было не такое, даже воздух – что ли, более веский, существа живые более плотные и совсем ни в какие ворота луна. Она висела огромным леопардовым шаром так близко к крыше, что, казалось, выстрелишь из любой рогатки – и убежит.

Ночные птицы щекотали тишину – качались на ветках, где-то вдалеке озеро укладывало себя в огромное одеяло, порхали ночные геометрицы и стеклянные моли. Насекомые тут были очень вежливые, почти саксоны, он слышал, как они летают около дома, но в дом не проникали без спроса – природный этикет. Сэвен спал теперь на открытом этаже и чувствовал всё это подробно, телом чувствовал, как дерево-дом пахло смолой сладковато-пряной, как звуки из чащи живые плелись, как менялся эпитет ветра. Стратег улыбнулся, умиротворенно зевнул, приписал наличие небольшого зуда в груди дорожной усталости, подтянул плед и практически моментально уснул.

ИЗОБРЕТЕНИЕ УЛЫБКИ

Игра в слово

...Этим не кончилась природа, но этим и не началась. Человек со множеством голов метался: не знал, то ли превратиться ему в сгусток, то ли рассыпаться, так рассыпаться, чтобы остаться и, будучи чьим-то ощущением, быть ощущением и себе...

Воздух разрядился, вспышка без звука, и сон схлопнулся, как старая звезда. Сэвен вздрогнул телом, почувствовав собственное дыхание, открыл глаза и долго встраивал изгибы растительного чердака в свою систему восприятия мира, приспосабливался к этому дому, надутенному утренними сквозняками – запахом пряной росы и солнца. Всё было очень непривычно ему.

Кто-то глотал ибogu на обряде инициации, кто-то был мистик от работы, кто-то вырабатывал гормон, кто-то питался эхом, а Сэвен лежал на чердаке из деревьев, объединённых идеями созидания, шурился и ума не мог приложить, но зато активно прилагал усилие к тому, чтобы осознать себя в этом месте.

Мысли витали над головой – двусмысленные и попроще, мысли были самым откровенным образом видимы, они дурачились и скакали по помещению, сталкиваясь в картинки и разлетаясь по выводам – похоже на колонизацию разума, но нет – обычная путаница после сна. Одна из мыслей, задрав самомнение, врезалась Сэвену в висок – щекотка для фантазии.

– Эй, отстаньте! – засмеялся стратег.

Вскоре маховик событий окончательно раскрутился, нежная стеклянная тишина лопнула – вдребезги, с лестницы поползли звуки, и через мгновение на чердаке возник робкий услужливый хамернап. БомБом этикетно помялся в углу, разулыбался и торжественно поставил перед Сэвенom природной работы поднос из древесной тверди. На подносе стоял нежно-сахарный смоляной стакан с зелёно-синей жидкостью, которая сама по себе извивалась, как ртуть, из стороны в сторону, перекидывала свою массу туда-сюда и, кажется, получала немислимое удовольствие от этой какой-то своей очень личной травяной жизни.

– Это вроде лекарства?

– Это еда наша – корневин. Попробуйте.

Сэвен отпил на пол-языка, и сразу же несколько поехал нос у него в сторону (*в сторону отворачивания*), но, взглянув на восторженное лицо хамернапа, он нос выправил и принудил себя сделать второй глоток. За ним же третий последовал, и так постепенно этот скользкий концентрат внушил ему доверие; сначала доверие, потом симпатию.

– Вкусно же!

Хамернап экспрессивно вздрогнул и сложил руки на груди, на сей раз в эмоции облегчение.

– Я волновался, что вы не полюбите. Но теперь всё хорошо, корневин хороший, это живительная жижа.

– Ну и отлично, что мы с ним друг другу подошли, – сказал Сэвен, вытянув из стакана последние капли. – Теперь на мадругаду?

– На мадругаду!

Они стремительно добрались до озера, перескакивая с каждым шагом всё резче из смежности в начальный уровень сотворения мира, где мысленными старателями захватывалась Фе в сачки. Сэвен расправился с досадой по поводу забытого пледа и вошёл в свою сочную растительную лодку, фонарь поставил на бортик, выставил искругленный нос судна по ветру и принялся приспосабливать общее тело к психофизическим особенностям воды.

БомБом остался на берегу и восторженно махал обеими руками, как будто стратег отправлялся в путешествие на другой конец земли (*там растут парафиновые пещеры, хранители твёрдого света*).

– А ты почему не плывешь? – крикнул Сэвен.

БомБом опустил руки (*сложил их узорно на груди*) и сказал в ответ:

– Хамернапы сторонятся воды, хамернапы не хотят знать больше, чем знают.

Сэвен пожал плечами и пустил лодку по гладкому обобщению координат, по картотеке разума, собранной талантливо в зашифрованные в жидкость манускрипты. Он вытянул ноги, облокотился на бортики и качался по течению, окутанный разумной уютностью, пропитанный иллюзией и вечностью, – непритворный мерцающий стратег. Подобный желанию, он исполнял себя, включая в насыщенный раствор жизни, созданный разумным некто для выращивания совершенных монад.

– Таких не бывает.

– Ещё увидишь!

Распух горизонт, вытаращились первичные создания друг на друга, провожая канун, подошла очередь, раскрылся небесный живот и тайна – шар вырвался из земли (*показалось*), а на деле это берег наклонился, выставив напоказ откровенную позу новорождённого дня. Тугое гипнотическое небо растрогалось и напустило облаков, провоцируя пасмурность; потом только спустя сорок ветряных толчков на гладкой поверхности высоты снова проявилось чёткое огненное пятно – память о солнце, воплощенная в нём самом.

Стратег переместил взгляд с небесной организации вниз, чтобы не остаться с вывернутой мыслью, и переключил внимание на участников мадругады, раскиданных по нежному диапазону воды. Кое-где встречались сообщества лодок, и если в них не экстраверты гудели (*он уже насобирав достаточно сачков*), то Сэвен подплывал ближе и любопытствовал:

– Что это у вас?

– Производство случайности!

– Медицинская кошка!

– Дни содрогания!

Броны смеялись и совмещали мысли, смотрели, как из нескольких предположений общий вывод напрашивался. К другим подплыл, у них там приборное собрание.

– Что измеряете?

– Уровень мира в клетке! И уровень кромемира.

Сэвен поспрашивал ещё, а потом к одиночкам поплыл, там витание лучше чувствовалось; это витание как атмосферное явление – глаза видели тоже, но чаще интуитивно оно добиралось до нерва. Это на снег не похоже было, а именно: над водой вызревало пространство особым способом. Броны ловить оттуда могли умозрительно, сачком замахнутся и тянут Фе.

Одиночки были менее разговорчивы, но вполне дружелюбны. Среди них чаще всего встречались буквальные брони (*«буквальный» означало «тот, кто складывает из букв»*). Эти брони жили в специальном районе Поэто, где у них была своя «плодовость» – атмосфера, позволяющая писать. Буквальные (*литературные*) почти ничем не отличались от других броней, кроме того что были склонны к одиночеству и вечно забывали маршруты, по которым двигались (*чтобы не сбиваться, им приходилось каждый раз отмечать свои следы авторской печатью, которая была у них на подошве сандалий*). Ещё они могли с чердаков своих по сто двести мадругад не выходить, но зато потом появлялись на озере с таким огромным сачком, что даже экстраверты бывали удивлены, а удивить экстравертов по-настоящему мало у кого получалось.

Стратег прижался затылком к бортику, соединяя твердые части пейзажа в особого вида пространство из сплетенных в фигурки парейдолей, которые рождались не однажды, а прямо сейчас появлялись из мыслей, выходящих из мирозданной норы за собственные границы. Он

взял сачок и сразу же замахнулся, ждать не стал, замахнулся, но вышло не сильно удачно – всё мимо мыслей; пустота в сачке и пара бытовых рассуждений о доме со сверчком, который он никогда раньше не собирался купить.

Человек-стратег улыбнулся и расслабил виски. Спрятал когнитивные наживки и теперь просто лежал в лодке, но непросто лежал: смотрел на эти токи-лучи, подергивание солнечных ниточек, подлинные миражи из воды, мерандовую густоту тени и силуэты неочевидной формы (*абобра, щупик, борец*) – вторжения соседних фантазий. У мысли монополия внимания – это он раньше так думал; теперь же втянутый в картину мира общую обучился он ловить историческое эхо (*выдержанное*), парадоксы распознавать, а ещё иногда так вот настезь рот открывал, аааа-вээээ, и туда сыпались его будущие предположения.

– Лечи меня загадками бытия.

Он долго бы лежал на воде, но только ощущение новое сработало, пришло от уставших мышц: «Пора бы к берегу». Стратег поставил лодку на течение, на место поставил, угодил в поток и вскоре прислонился вполне очевидно древесным корпусом к жёлтому зрелому песку.

Хамернап стоял на том же месте, в той же самой позе и с тем же выражением лица, только фонарь его выдавал, это был теперь дневной кропотливый фонарь вместо ночного с широким лучом.

– Как вы, хозяин? – спросил хамернап, помогая Сэвену снять с себя лодку.

– Ничего не поймал существенного.

– Тут улов не сразу даётся. Когда-нибудь потом, в нужный момент, вы найдёте в себе пойманные мысли.

– И это неплохо.

Сэвен поставил лодку в укромный валунный тенёк, уложил аккуратно сачки в своей голове (*в голове не сразу укладывалось*), почесал в области груди (*немного зудело*) и выдвинулся на соискание эмоции.

– Какие у нас планы?

– Идём на праздник изобретения улыбки.

Недавно прибывший закатил брови.

– Изобретения улыбки? Но её уже...

– Да-да, кажется, её давно изобрели, но мы представляем, как это было.

– Ну так води меня скорей!

Солнце висело тёплое и большое, как близкий родственник. Вокруг не каменный мешок лежал, но валяжные сырые красоты, природа, полная интригующих чувственных данных. Стратег и хамернап тянули свежую энергию из пейзажа, пели, корпели и перемещались от воды к лесу и от леса к воде, долго гуляли, пока не пришли к обратной стороне всего – внешнему побережью острова-клочка. Там пляж был расфасован на активные зоны, и в каждой из этих зон происходило какое-то действие, а в целом то ли театр, то ли новый бедлам-роял: на песке прямо или на ковриках из травы трогательно-лохматых сидели разной судьбы существа.

– Это у бронов браай, – прошептал БомБом.

– Браай как праздник?

– Как он.

Броны сидели и скалили зубы, но многие не скалили, и Сэвен сразу на них обратил внимание: там одна руками махала, другой дрожал, третий перекатывался с бока на бок, как неваляшка, но не как гром.

– А что здесь?

– Мы думаем, что каждый имеет право выбрать себе ту улыбку, которая ему подходит. Вот у нас есть девочка Зира, она улыбается руками, трясёт ими, когда ей весело, а вот Кимбер смеётся, напевая песню про Джимми и Свима, так и поётся там: «Свим, Джимми, свим». Попробуйте свою улыбку придумать?

– Я попробую, но не уверен.

Сэвен сел на коврик рядом с другими, и, увидев, как заразительно гудит рядом сидящий, он тоже захотел вытянуть губы в трубу (*его частенько подмывало так рассмеяться – трюм-петтом, но он стеснялся при людях*). Теперь он попробовал – и получилось! Сэвен двигался по комедийным рядам и гудел так каждый раз, когда ему становилось смешно. Он втягивал и вытягивал губы, реагируя на чужие кривлянья и на своё.

– Почему я раньше так не улыбался?! Намного больше радости!

Он посещал самые разные уголки браая, даже самые острые, и смотрел на шутки разные, и везде эти губы в трубу складывал. На одном из открытых пространств рассказывали о том, как «шире-рот» улыбка на большой земле появилась (*улыбку, как и цвет, именно человек вынул: из природы в первом случае и из себя во втором*).

В этом рассказе-спектакле косматый Дженго сидит на песке и раздражает прохожих своей весёлостью. Он так улыбается искренне и, кажется, премного доволен этим резвым игрушечным днём, у которого одна погода чего стоит – немало. Так он сидит на песке, а между тем проходят по дороге люди разнообразные и смотрят на это создание человеческой плоти удивлённо: всё не могут понять, что он там делает со своим лицом.

– Простите, чем вы сейчас занимаетесь как бы? – спрашивает рисунком некий мужчина, с виду приличный и в одежде.

Дженго рисует свой рот растянутый на песке и получает по уху от проходимца.

– Это не оскал, – пытается он объяснить собеседнику жестами, – это я добра тебе желаю. Но вместо понимания с его стороны получает одну лишь обиду и слюни, выброшенные в лицо ему.

Косматый расстроен немного таким диалогом, но продолжает раздвигать губы по сторонам, обращая внимание населения на свой диковинный проект. Ночь изощённо ложится на песочный матрас, а Дженго всё сидит на этом примятом собой же местечке близ городов и блестит белыми фосфорными зубами. Лепечут что-то невнятное водные твари, миллионноглазый свет озаряет ночные пейзажи, и нет ни единого повода человеку вот так сидеть, с выпученным ртом на берегу, но всё же тут он.

Устал к утру косматый, улыбку спрятал и поспал немного, а затем снова присел и зубы свои выставил – галерея радости, но не всем такое искусство понятно.

– Зачем это он? – перерисовываются зеваки возбуждённо.

Поморщились, пострадали и, наконец, догадались, что предпринять. Посылают к нему девушку миловидную, с узорами из волос. Она садится рядом с Дженго, прислоняет к коленям его кремовые свои ноги и молчит. Кажется, теперь он понял, зачем она пришла, объяснил:

– Это улыбка, я так называл её. Пусть люди делают так, когда им хорошо будет. Когда они доброжелательны, когда они мечтают. Попробуй.

Девушка посмотрела на него возмущённо сперва, а потом очень медленно начала передвигать уголки губ в сторону висков, стараясь получать удовольствие от происходящего, и действительно удовольствие было получено. Вскоре они смеялись вместе: улыбались сначала, а потом и смеялись вовсю. Люди, что вокруг стояли, хотели представить это позором, но потом им так смешно стало от этой идеи, что они и сами заулыбались, достали внутренние улыбки и заулыбались ими, и никому не было страшно, оттого что все были счастливы. И пошли люди оттуда по всем местам земли и всем демонстрировали это вот сокровище, что у каждого человека при себе имелось – только пользуйся, и даже на луну показывали, которая на одном боку лежала, – вот, мол, небесная улыбка. И стало это учением самым естественным для людей: с помощью него можно было надёжно отличать хорошее от плохого, а это ли не главная цель любого большого человеческого учения?

...Сэвен вытянул губы, благодаря актёров за спектакль-рассказ (*после него он чувствовал себя хорошим, и это было очень приятно*). Затем стратег ещё немного походил по брааю,

рассматривая другие постановки, и только когда губы-трубы устали совсем – только тогда он перешёл обратно на свой стандартный «шире-рот».

– Мне опять хочется, как раньше, губами делать в стороны, – признался он хамернапу, когда они присели вместе на один из травяных ковров.

– Это понятно, вы же человек больше... Но вы больше, чем человек.

– И чем я больше?

– Вы любопытный. Обычно люди не ценят улыбки и многого другого не ценят и не знают. Они быстро привыкают к удивительным вещам и перестают понимать, как что появилось. С бронями такое тоже случается, и поэтому иногда мы ставим спектакли – это напоминание о том, как всё тонко и интересно устроено вокруг. Только представьте, ведь когда-то кто-то изобрёл знак, обозначающий радость и хорошее настроение, и его принял весь мир, весь мир согласился «носить» этот знак на себе, обменивать его или дарить...

– Люди сейчас тоже, кажется, увлеклись генезисами: вспомнили, от чего улыбка произошла, и теперь улыбки настоящей не найдёшь – одни оскалы, – съязвил Сэвен.

– Наверное, у них просто внутренняя улыбка сломалась, поэтому они скалятся, – предположил хамернап.

– Возможно. Я как-то сразу представил... Если в человеческом мире что-то ломается, то там сразу же открываются сервисы по починке этого. Наверное, скоро появятся и сервисы для внутренних улыбок. Вот будет забавно: замена настроения, смехочистка...

Стратегу понравилась собственная шутка, и он ещё раз улыбнулся трубочкой, а следом за ним и БомБом застенчиво зашевелил ушами.

– А тебе идёт! – констатировал стратег.

– Улыбка для хамернапа – это признак вида, мы её всё время изучаем на себе и на других...

Сэвен хоть и смеялся много, шевелил лицом, но всё-таки стратегической сноровки не терял, к примеру, сейчас он уловил боковым зрением какое-то перемещение рядом. Он перевёл взгляд в сторону и увидел, что некоторые брони стали на цыпочках уходить с пляжа.

– Смотри-ка, куда это они?

– В корнебар. Там дегустация новых сортов корневина.

– А почему на цыпочках?

– Тренируются в лёгкости...

– Пойдём туда скорей!

Корнебар находился на восточной стороне острова, там, где стоял в плетёной вазе из камней большой маяк из негасимого костра, там, где вода стучала о саму себя, а иногда происходило созвучие, вакуум, иногда вода соединялась со звуком, и получался тоже в некотором роде му шар (*твёрдая музыка*), только его нельзя было потрогать, был он не предмет, но ощущение. Впрочем, тут таких непредметов повсюду множество было.

Добрались они быстро (*это же не океана берег, где по манграм продираются утомительно, это же озеро тут*). Сэвен искал глазами, где мог быть бар, потому что вблизи никаких признаков сооружения не наблюдалось, он ощупал взглядом пространство старательно, но выискал в нём только гигантский баобаб, такой огромный и маневренный, что казалось: это заводик был по производству ветров и тут же – фирма по управлению облачностью.

– Вот мы пришли, – сказал хамернап, подойдя к гиганту вплотную.

– Бар в дереве?

– Я покажу.

Дерево было как перевернутый корень – именно таким и казалось. На этом его проблемы не заканчивались. Если обычно даже самые странные деревья состоят из твёрдого вещества и сока, то это было страннее всех, потому что оно было сухим и мгновенным – его форма постоянно менялась за счёт того, что вместо коры на нём росли шёпоты и шорохи.

Это были не страшные шорохи, не шорохи-декорация, а такие нежные, пушистые, как из детства, их можно было усиливать, закрывая глаза, – в голове они перемешивались с воспоминаниями и мягко обволакивали сознание, не как идея, но настраивая на общение и лад. Шорохи вились по спирали – были как древесная ось, но с функцией, относящейся ко всему живому. Это был натуральный броновский фон для мыслей.

Новые гости немного повпечатлялись тут, а затем оставили гиперствол на поверхности самого себя показывать и пошли по винтовой нарезке точно в корень. Сэвен шёл, продираясь мысленно сквозь грудку придаточных предложений, которые вызревали у него в голове реакцией на увиденное, – шорохи запустили беседное настроение.

Стратег спустился с последней ступени и увидел, что внутри там был приятный полумрак, фонари, как везде, перепоны и статуи из глиняных чашек, через которые просачивался упрямо внешний тёплый свет, рисовал глобусные мотивы на столах, отображая на импровизированной карте из света-тени новые волшебные земли.

Через щели сюда проникали остаточные шёпоты, это была будто щекотка, отображённая в рисунке, – шёпоты вились уютно вдоль стен, изображая ковры. Везде были расставлены любимые хамернапами носочные деревья, разноцветные, разных форм, фонарей множество тут же горело, и щедро были развешены всюду картины, на которых представлены были разные этапы жизни этого самого дерева-корня: как оно родилось из особого предназначения семени и как потом стало баром. Внутри оказалось очень хорошо и приятно, это была не имитация уюта, но сам уют, укромная яма, в которую одиночество не высадится никогда – слишком мимо замысла.

Сэвен нашёл себе местечко у стойки, расселся, выдался и начал дегустацию живительных соков, не забывая обращать внимание на происходящее. Так было там весело, в корне, брони общались друг с другом активно, забористо, а помимо: кто-то танцевал, другой писал, третий прибор конструировал, но эти деятельные в основном за столиками сидели, а стойка была предназначена исключительно для разговоров. Вот и к Сэвену почти сразу подошли знакомиться, обнаружив, что он новенький. Подошёл парень в гипнотическом жилете и заговорил:

– Привет, ты из людей?

– Вроде того. Стратег.

– Ну надо же, это редкость у нас. А я вот родился тут, не в один момент, конечно, а постепенно, но всё равно я никогда не видел людей. Расскажи, они все такие, как ты и как мы? Длинные палки, к низу разделённые на две?!

– Да, только они менее плотные, что ли, брони как будто в среду втиснуты, сплошные, а люди как коллаж.

– И как же через них проходит энергия, если они не одним куском?

– Звуки – по костям. Жизненная сила – по каналам, которые у большинства забиты (*курильщиков много*). Вообще, силы мало там, зато есть любовь, она вот проходит без проблем, некоторые люди умеют любить.

– Умеют любить? Как это странно звучит. Люди думают, что любовь – это способность?

– Эм... А что это?

– Ха, ну и ну. Любовь, понятное дело, – это основа, оплот.

– Вы о любви к ближнему, да?

– Я о любви, которая выстраивает очертания Паредем, я о любви как пружинке, на которой вибрирует этот остров.

– Пружинка...

– Ой, я, кажется, забежал вперёд. Вам, видимо, ещё только предстоит увидеть Там... У вас была девушка на большой земле?

– Не знаю уже, я думал, что была, но никого ведь со мной нет здесь.

– Не расстраивайтесь, дружище, в Паредем это происходит быстро – соединение узлов.

- И качественно? – ухмыльнулся стратег.
- Только навсегда.
- Вечная любовь? Я всегда говорил, что строю её, но только с разными женщинами.
- Так не бывает, конечно.

Новый знакомый похлопал Сэвена по плечу, откланялся и пошёл прочь, а к нашему герою продолжили подсаживаться брони, они подходили и подходили, принося новые коктейли из корневина, они слушали его рассказы и старались ответить ему, когда он спрашивал. Иногда он задавал одни и те же вопросы, и ответы, как ни странно, были очень похожи, как будто брони присочинять не умели.

– Неужели вы не умеете присочинять? – спросил он у какого-то кудрявого, с которым они общались теперь.

- Мы только этим и занимаемся! – сказал тот, и оба рассмеялись.

Когда все новые и старые сорта корневина были перепробованы, Сэвен вышел на улицу, наполненный свежими редкими знаниями об окружающем. Он стоял там под огромным горящим небом и отдавал себе отчёт, что везде вокруг в воздухе витают идеи, и концентрация их запредельная, так и хочется ухватить парочку за хвост. Стратег потянулся рукой вверх, но ничего не поймал на голое воображение...

- Наживка хорошая, но практики нужно больше, – услышал он голос.

Сэвен повернулся и увидел, что рядом стоит один из тех колоритных бронов, у которых голова большая и ясная, как сам свет.

- Добрый вечер, а вы умеете их ловить?

– Это моя функция в некотором смысле – ловить их и ставить на место. Я Лон, мастер по починке интуиций.

- Я Сэвен, стратег, приятно познакомиться.
- Ваш какой дом?
- Пузатый, с равнозагнутыми деревьями, кодовое слово *Altius*.
- А у меня *Fortius*, выходит, что мы соседи! Я как знал. Очень рад.
- Вы домой сейчас? Могли бы вместе.
- Да-да, пойдёмте.

Они выстроились в линию горизонтальную каждый на своей стороне и пошли по тропинке твёрдой, продавленной из следа в следовость. Вечером тут звуки дёргались, как магнитные бомбочки, но это было не везде, а только в некоторых местах, где удавалось столкновение со звуком, а звук этот был разумный, насыщенный: мельтешит птица, растение пьёт из земли, потягивание дерева – готовится спать, округляются бутоны – скрежещет начало жизни, цветок выходит, шлёпает плавником рыба, кряхтит многоклеточный зверь (*ищет сны*). Сэвен прислушался и обнаружил стихийность, а раньше он этого не понимал.

- Такие разные звуки, и я слышал собой.
- Паредом открывается.

Он как будто стоял сейчас перед зеркалом собственной жизни, видел целиком всё, не желая понять, что он был: фигура или человек, а может, картина, тень или нерождённый ребёнок, король или инкубатор для энергии. «Мы всегда есть многое», – слышал он слова Допса. Перекатывался свет от луны к камню, и он чувствовал, как в нём заживляются раны, как он спасён внутренне этой раскованной красотой ночи.

Сэвену захотелось говорить.

- Лон, а расскажите об интуиции, что это?
- Знал бы я, – усмехнулся мастер.
- А много у вас заказов на починку?

– Когда как. Иногда брони тянут такую большую идею – создание новой парадигмы или флай, тогда интуиции от перенапряжения часто портятся угнетённые, и тогда я много чиню,

а иногда, напротив, вот спокойный мир, и никто не ходит ко мне. Но и тогда я не коплю в себе, не изнашиваюсь от безделья – в пустые моменты я люблю кувыркаться на траве, так вот совершенствуюсь, сглаживаю резкие углы. Мастеру по интуициям надо стремиться уходить от углов и линий, стремиться к кругу: круг – это самое безопасное состояние материи.

Они шли через чашу, на руках у них висели проблесковые фонари, так что сбиться надо было ещё постараться, но они и не сбились, а, напротив, даже очень правильно пришли. Вечер слепил темнотой снаружи, а внутри него шевелилась зигота равнодающая: на поляне вздымалось в полный ракурс горящее огненное поле. Поляна светилась тысячами световых встряхиваний, это были как будто точки размазанные, сбежавшие с дверей скважины, танцующие свободу.

– Светлячки резвятся, – пояснил мастер по интуициям.

– Я никогда не видел такого...

– Вы бесконечно счастливы?

– Я именно вот так вот бесконечно счастлив.

– Тогда поздравляю! Это ваш момент!.. А я и забыл свой первый, столько уж их было...

Соседи сели на валуны и долго играли с этой светящейся массой, колыхали её, смещали, дули на неё – очень осторожно всё, чтобы ничем её не повредить, никак не напугать и не переделать – такого они не желали светлячковому полю. Так они долго пылали, вместе с пыланием обсуждали имена Фе, а потом опустили головы на камни и смотрели на раскрывающиеся созвездия.

– Это абсолют? – спросил Сэвен.

– Тут? – уточнил Л он. – Нет, ещё нет. Абсолют бывает, когда в конусе события соединяются – настоящее и будущее, тогда абсолют.

– Я бы хотел абсолюта, – сказал мечтательно Сэвен.

Висели звезды на небе и на земле, пахла трава-какана первичной сыростью, тенями, капресой. И это не мирор был, не обратный мир перевернутый, а просто выбравшийся из того, где войны развязывали, как денежные мешки, где новые дудки изобретали для крыс – ящики с мнением, и от мыслей избавлялись, как от детей, – применялась контрацепция знания, лесь-фальшь, бумажки с подкорками. Сэвен не хотел сейчас о том вспоминать, и он не вспоминал уже, а просто наблюдал за моментом со стороны, ему нравилось наблюдать, как они теперь лежали тут в каменных выступах, как они молчали, брон и стратег чувствующий, не обезвоженный, молчали и украдывали у тишины источник, смотрели, как шевелится огненная фибра, переходит сначала в эмоцию, потом в память.

ГИПЕРТРОФИЯ МУХИ

Фабрика истории

– Что это? – вскрикнул Сэвен, увидев над головой две большие чёрные гусеницы – спросонья и не то привидится.

– Это ваши носки. Готовы носиться.

Над ним стоял БомБом в своём амплуа хамернап: руки скрещены на груди, улыбка восторженная (*искренность в разрезе*), нос-махинация и щербатая голова.

– А мы куда-то идём? – стратег поинтересовался.

– Вы отдохнули после мадругады, и теперь мы идём узнавать Паредом – сначала. Потом в комнату смысла. Это ваше функциональное пространство, вы можете там работать по своему заданию...

Сэвен пожал плечами, переводя на другую тему, потянулся, выпил завтрак, умыл лицо, вычистился и поразвёл волосы в микроволну.

– В путь, БомБом.

Они попрощались с домом – *до вечера, укромная шапка!* – и пошли по тропинке между деревьями, где то подъём, то спуск, и поэтому ноги не уставали вовсе, щадящая зарядка – ландшафтный тренажёр. Небо выпирало разбухшее и не давало никому заскучать. На третьем повороте прямо лес расхохотался и выплюнул гибискус цветущий. Утро выдавало себя за день и пародировало чудеса.

– Мистер Допс попросил отвести вас первым делом на фабрику истории под названием «Гипертрофия мухи», тут несколько таких фабрик, но эта самая большая, – обозначил БомБом.

– Всегда хотел увидеть, как история делается, – прошептал стратег, не желая спугнуть предвкушение.

Они долго пробирались по лесу и наконец вышли к внутреннему берегу озера, а тут уже идти стало легче. Вскоре вырос перед глазами занимавший большую часть острова знакомый им пористый пляж, и там на насыпи мягких горных зёрен сидели брони и накручивали, спорили друг с другом, кричали, молчали, но в любом случае накручивали.

Сэвен увидел, что это катуши были у них в руках – то ли из ниток, то ли из проводов или какого-то другого происхождения. Брони наматывали эти громоздкие бобины и так были увлечены своим делом, что даже и не заметили гостей.

Стратег разместился в сторонке и попросил хамернапа:

– Расскажи о них.

И хамернап говорил:

– Это историки-брони, которые гипертрофируют. Они берут любое событие или момент и потом его гипертрофируют по-своему...

– И этому учат как-то?

– Для этого главное природные склонности иметь.

– А эти катуши как-то используются?

– Один катуш у них – как взгляд на событие, потом из многих катушей можно цельное событие смотать, каким оно было. Истории они закапывают в землю рядом с собой, оставляя только ниточку, самый край. Видите, это как будто трава вокруг, но это всё информация – так у нас история хранится.

– Но зачем это надо – гипертрофировать?

– Так события погнут все, если будут в натуральном виде...

– Теперь я понял немного.

Сэвен подошёл осторожно, стараясь не примять эту информационную траву, и немного подслушал, что там обсуждали (*функцию репутации, галерейные леса, новые коктейли с экстрактом дождя*).

– Какие они интересные, – сказал задумчиво. – Сколько мне ещё познавать... А вот это кто? – стратег указал на пожилого брона, который сидел с краю общей линии.

– Это старший историк. Можете у него тоже поспрашивать.

Сэвен подошёл к историку за интервью.

– Здравствуйте, я бы хотел поспрашивать тоже...

– Ну так и поспрашивайте.

– Вот интересует меня подробнее, зачем вы её закапываете, историю?

– Чтобы она не валялась под ногами.

– Хорошо, а вот скажите, чем история бронов отличается от человеческой?

– Способом создания. Человеческая история состоит из большого количества тоннелей, по которым нужно чутко пройти, чтобы обнаружить в конце этого тоннеля в себе человека, который приобрёл одно-единственное знание: как ходить по тоннелям. Люди забыли о том, что вокруг свободное пространство, что они свободны и могут создать тут всё, что пожелают, в этом свободном пространстве. Но люди продолжают строить в тоннелях, и хоть там места мало и света мало, но они всё строят и строят там, тратя жизни многих поколений только на то, чтобы пробить в этом тоннеле пару стен. А ведь всё, что нужно было бы сделать, – это понять, что никакого тоннеля нет. Есть узловые точки, есть события, от которых тянется нить, и людям надо просто поймать эту нить, а не перематываться ею с головы до ног, утрачивая способность ходить. Броны же строят изначально в свободном пространстве, они не задавлены нитками событий, но при этом всегда имеют представление о том, что в каждом из катушей. Так рождается чистая история.

– Чистая история?

– Это Фе. Что такое обычная история? Можно сравнить её со вкусом корневина: нельзя всеобщему объяснить этот вкус, все будут его по-разному воспринимать, так и история – всегда будет через пальцы жизни сыпаться. Это не то, что Фе. Фе – это чистые мысли изначально, ни через что не пропущенные, оригинал. Мы не объясняем Фе, но брони сами её чувствуют.

– А вы не пытались что-то для людей придумать?

– Мы хотели создать такое пространство, где историю можно было бы в существа встраивать искусственным путём, но это оказалось невозможно. Тогда мы изменили направление мыслей и открыли конус события, в нём история мгновенна. Вы попадаете в конус события, и для вас это чистая история, пока вы в нём.

– Как это можно понять, что вы в конусе события?

– Когда вы видите целиком всю картинку – пропитое, будущее и настоящее. Только так можно понимать историю, а не через дырявые лупы, приставленные к глазам режима, как у людей заведено. Какой-то человек садится за стол и начинает воевать, межевать государства, уточнять границы, развивать и рушить экономики – это он так историю пишет, но он не историю пишет, а отображает удобный ему набор информации. В итоге получается смоделированная историческая реальность, пространство с антропоморфным поведением, которое почти бесполезно для всех...

– Но всё-таки людям как попасть в конус?

– Пока мы не открыли такого человеческого состояния. Есть кое-что напоминающее вход в конус события – любовь... когда человек любит, он чувствует, что как будто понял весь мир...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.